

МИРОВОЙ ПОРЯДОК, АРАБСКАЯ ВЕСНА И НАСТУПАЮЩИЙ ПЕРИОД ГЛОБАЛЬНОЙ ТУРБУЛЕНТНОСТИ

Л. Е. Гринин

Статья в целом посвящена анализу мирового порядка в прошлом, настоящем и будущем, при этом особое место мы уделяем Арабской весне как началу реконфигурации мирового порядка. Глобализация за последние три-четыре десятилетия существенно повлияла на систему мирового порядка. И сейчас она начала менять баланс экономических сил в мире в пользу развивающихся стран. Радикальное изменение баланса экономических сил в мире создает объективные условия для пересмотра мирового порядка. Однако оно вовсе не влечет за собой автоматическое изменение военно-политического баланса. Для этого, образно говоря, требуется подтягивание политической составляющей мирового развития (политической глобализации) к экономической. Очевидно, что вторая значительно опередила первую, и дальнейшее развитие без такого подтягивания будет затруднительным. Неизбежное сокращение разрыва между экономической и политической глобализацией мы назвали реконфигурацией Мир-Системы. Но такое подтягивание (политической составляющей глобализации к экономической) происходит рывками и означает более или менее острые политические и геополитические кризисы в тех или иных регионах. Мы рассматриваем кризисы и потрясения на Ближнем Востоке и Украине именно как такие «реконфигуративные» кризисы, которые одновременно являются и геополитическими, требующими изменения мирового порядка. В статье дается описание причин и направлений изменения мирового порядка в ближайшие десятилетия.

Арабский мир и в целом Ближний Восток и Северная Африка уже давно воспринимаются как зона нестабильности, где всегда могут возникнуть войны, кровавые конфликты и другие потрясения. В этом плане революции и народные волнения 2010–2011 гг., получившие название Арабской весны, и последовавшие за этим пер-

турбации и конфликты вполне вписались в логику истории бурных событий данного региона, хотя и стали для него шоком.

Но и помимо Ближнего Востока в последние несколько лет нестабильность в мире усиливалась. К сожалению, это, по-видимому, не случайно, а представляет начало определенного и довольно длительного тренда. Однако чем может объясняться такой поворот в глобальных политических отношениях? Скорее всего, здесь действует целый ряд факторов, в том числе и тот, что мир вступил в полосу депрессивного экономического развития; это усиливает социальную напряженность и трения между экономическими акторами и государствами. В то же время для этого есть и более глубокие причины, связанные с фундаментальными изменениями в самой структуре Мир-Системы.

Арабская весна и начало реконфигурации Мир-Системы

Арабские революции как предвестник реконфигурации мира. Волнения и протесты затронули более десятка арабских стран, включая государства Залива, при этом крупномасштабные волнения и революции происходили (а кое-где происходят и сегодня) по меньшей мере в пяти странах (Тунисе, Египте, Сирии, Йемене и Бахрейне), а в Ливии привели к свержению режима и гражданской войне.

В 2009–2010 гг. мы высказывали предположение, что в ближайшее время «международная система начнет трансформироваться быстрее и значительнее. Следовательно, мы входим в период поиска новых структурных и системных решений в рамках Мир-Системы, а это означает в ближайшем будущем достаточно сложный период. Выработка и упрочение модели нового политического порядка в рамках Мир-Системы будут трудным, длительным, а также относительно конфликтным процессом» (Гринин 2009в: 135). При этом можно ожидать, что формы реализации этих изменений в мире могут быть самыми разными: от незаметных до внезапных (Там же; см. также: Grinin, Korotayev 2010b; 2015; Гринин и др. 2015).

События Арабской весны (см.: Коротаев и др. 2012; Гринин и др. 2015) полностью подтвердили этот прогноз, внося в само представление о нестабильности новые нюансы. Нами был сделан

вывод, что бурные события конца 2010–2011 гг. в Арабском мире, включая революции и волнения, казалось бы, в относительно благополучных и динамично развивающихся Египте и Тунисе, богатых Бахрейне и Омане, являются началом структурных изменений, даже более того, **началом реконфигурации мира** (см.: Гринин 2011а; 2012а; 2012б; 2012в; 2014б; 2015; Grinin, Korotayev 2012; 2014а; 2014б; 2015; Гринин и др. 2016). Развитие событий в 2012–2015 гг. на Ближнем и Среднем Востоке и в других регионах, особенно на Украине, но также и на Дальнем Востоке (Гринин 2014а), все более убеждает нас в том, что реконфигурация мира началась и идет довольно активно.

В отношении революций в Арабском мире можно указать целый комплекс причин, причем как объективных и глобальных, так и случайных. С одной стороны, несомненна роль глобального кризиса (о влиянии кризиса на грядущие изменения в мире см.: Гринин 2009в; 2012а; Grinin, Korotayev 2010а; Гринин, Коротаев 2012; см. также: Кудрин 2009). При этом он также «ответственен» за синхронное возникновение политического кризиса во многих странах; особую роль сыграло то, что теперь модно называть агфляцией.

В самом деле, еще до начала кризиса беспрецедентно высокие цены на продовольствие породили волнения в некоторых арабских странах (и не только в них). Однако в 2009 г. в связи с общим падением цен на многие активы также «сдулся» пузырь цен на продовольствие.

В результате возникла парадоксальная ситуация. Число живущих за чертой бедности в том же Египте, несмотря на бушующий кризис, заметно уменьшилось. Между тем в 2010 г. в связи с неурожаями в целом ряде стран в разных частях мира, а также новым «надуванием пузырей» и разгоном спекуляции агфляция усилилась. В результате число живущих за чертой бедности быстро выросло. И это наряду с другими острыми проблемами (безработицей, особенно среди молодежи, недовольством разгулом коррупции, сильным неравенством и т. п.) и большой ролью радикальных элементов и движений вылилось в политические революции.

Современные технологии, как отмечалось многими, стали важной причиной хорошей организации движений. В самом деле, призывы с помощью мобильных СМС-сообщений или размещения на

популярных сайтах стали едва ли не ноу-хау арабских митингов, при этом революционная технология быстро копировалась в соседних странах.

Важнейшей причиной, действие которой невозможно устранить, являлась повышенная доля в населении молодых возрастов (коhort), так называемый «молодежный бугор» (см. подробнее: Гринин и др. 2010; 2016; ряд статей А. В. Коротаева и соавторов в книге: Акаев и др. 2010). Сегодня политологи нередко даже говорят о странах с молодежной возрастной структурой населения как о «дуге нестабильности», простирающейся от региона Анд в Латинской Америке до районов Африки (особенно южнее Сахары), Ближнего Востока и северных регионов Южной Азии (Мир... 2009: 59). К сожалению, этот прогноз подтверждается.

Но революции в арабских странах можно рассматривать и как продолжающийся выход из ловушек «модернизации», в том числе связанных с завышенным уровнем ожиданий, которые не могли оправдаться (см. подробнее: Гринин 2010; Гринин, Коротаев 2012; Гринин и др. 2016).

Наконец, можно указать на влияние различных процессов глобализации (помимо глобального кризиса). В частности, наличие арабского и – шире – панисламского радикализма и экстремизма следует отметить не только как одну из особенностей современной исламской идеологии, это и один из показателей роста глобализационных процессов в мире.

Несмотря на множество причин, нельзя не отметить следующее: во-первых, эти причины полностью не объясняют удивительной синхронности таких волнений в разных странах; во-вторых, они стали неожиданностью для абсолютного большинства как аналитиков, так и самих жителей данных стран; в-третьих, уровень обнищания вовсе не был столь высоким (по крайней мере, в Египте оказывалась значительная продовольственная помощь живущим за чертой бедности). По-видимому, налицо революционный эффект влияния на другие страны (особенно похожие по цивилизационным, политическим и социальным параметрам), который иногда проявлялся в истории начиная с Реформации XVI в. Например, по такому сценарию развивались революции 1848–1849 гг. в Европе, национальные революции в Латинской Америке 1825–1830 гг.,

освободительные движения в Африке в конце 1950-х – начале 1960-х гг., революции в социалистических странах Европы в 1989–1990 гг. (подробнее см.: Гринин 2012а; Гринин, Коротаев 2012; Гринин и др. 2016). Но, с другой стороны, – и это более важно для нашей темы, – налицо также эффект *начала глобальной реконфигурации мира*. Как уже было сказано, такие изменения будут происходить в самых разных (и порой неожиданных) формах. При этом также возможны изменения, быстро захватывающие целые пласты обществ.

Политическая и экономическая составляющие глобализации и Арабская весна. Рассмотрим глобальные причины появления синхронных массовых социальных движений. Сначала напомним то, о чем мы писали ранее: «Очевидно, что экономическая и финансовая глобализация намного опережает развитие международного права и политическую глобализацию. Усилится ли такое отставание политической составляющей Мир-Системы от экономической в ближайшие десятилетия? Ответ на этот вопрос во многом зависит от того, каким может быть экономическое развитие в ближайшем будущем. Многие экономисты и обществоведы, приводя разные аргументы, считают, что в ближайшие 15–20 лет экономическое развитие мира, скорее всего, будет идти более медленными темпами, чем в предшествующий период. Мы придерживаемся подобного же мнения¹. Но если этот прогноз оправдается, не сумеет ли политическая составляющая Мир-Системы за это время несколько подтянуться?» (Гринин 2009а; 2012в; Grinin 2010; Grinin, Korotayev 2010а; 2012; 2015).

Но как будет проходить это подтягивание? Оно означает форсированное развитие, что может реализоваться напряженностью, крутыми поворотами и переворотами, разломами и – как стало ясно сегодня – вовлечением в бурные события сразу большой группы стран. Вот почему мы прогнозировали, что такое подтягивание в рамках Мир-Системы означает в ближайшем будущем достаточно сложный период (Там же). Логика очевидна: отставание не может быть бесконечным; когда оно становится слишком большим, начинается период подтягивания политической составляющей. И это

¹ Современная экономическая ситуация (вместе с усилением дефляционных тенденций [см.: Гринин, Коротаев 2014а; 2014б; 2015а]) это подтверждает.

бывает именно тогда, когда экономическое развитие замедляется вследствие кризисных явлений, при этом одной из причин кризисов выступает то, что социальные и политические изменения в обществе не успевают за экономическими (см.: Гринин 2010; 2012a; Гринин и др. 2011).

Таким образом, идея заключается в том, что *именно асинхронность развития разных линий Мир-Системы является причиной синхронности крупных социальных движений*. Иными словами, в процессе глобализации одни процессы значительно опережают в развитии другие, в частности экономические процессы опережают политические. А такое опережение не может постоянно возрастать, соответственно происходит подтягивание, но оно совершается не постепенными изменениями, а рывками. Такое опережение одного вектора в отношении других приводит к различным диспропорциям в мире и в отдельных странах, что реализуется в социальной реальности в виде возникновения оппозиционной, протестной и революционной идеологий (см. выше). Причем неважно (с точки зрения назревания революции), что такого рода идеологии и идеалы реально могут быть плохо применимы к конкретной стране в определенное время². Они играют роль тарана, с помощью которого сокрушаются негибкие режимы и имперского рода образования, дальнейшая же судьба таких стран зависит от исторического везения. Насколько затратными будут перемены для конкретного общества с глобальных мировых позиций, в сущности, оказывается не так важно. Поэтому слепое следование за модными теориями и их прозелитами опасно: естественно-историческое развитие в условиях глобализации будет осуществляться именно по принципу «лес рубят – щепки летят», где щепками порой выступают целые страны и политические движения.

Почему очередной рывок подтягивания политической составляющей в Мир-Системе произошел именно в арабских странах? С точки зрения глобализационных процессов нельзя не отметить, что разрыв между уровнем развития экономики, технологии и об-

² И напротив, режим «просвещенной» автократии, которая может последовательно проводить экономические и иные преобразования до того момента, когда общество уже будет реально готово к демократии, может быть существенно более подходящим для тех или иных стран, в частности и для Египта.

разования, с одной стороны, и ментальности, влияния религии на жизнь, быт, право и многие другие стороны жизни – с другой, является наибольшим среди всех остальных цивилизаций и культурных областей. Именно здесь женщины по сравнению с мужчинами имеют наименьшие права, но в то же время уровень образования, культуры и восприятия мира среди женщин уже явно не соответствует их положению³. Влияние религии на все стороны жизни, включая право и финансы, здесь намного выше, чем в других местах, а веротерпимость во многих странах практически отсутствует. Арабские страны не смогут бесконечно игнорировать эти проблемы, тем более что высокий уровень миграции, в том числе в европейские страны, и усиливающаяся открытость к телевизионным и интернет-вещаниям подтачивают или прямо взламывают прежде закрытую идеологию.

Предыстория формирования мирового порядка

Политика как особая сфера отношений, связанная с распределением власти (Смелзер 1994), возможно, существовала с момента верхнепалеолитической революции. Политическая сфера стала отделяться от остальных на уровне сложных обществ (Grinin 2009; 2012a; Гринин 2011б). При этом внешняя политика, то есть отношения между самостоятельными сообществами, едва ли не древнее политики внутренней⁴. Очевидно, что отношения между государствами могли возникнуть только после того, как сложилась система ранних государств, а произошло это лишь в начале III тыс. до н. э. В конце III тыс. до н. э. появились первые крупные и организованные государства. С этого времени можно говорить о циклах политической гегемонии и перманентной борьбе за лидерство (Frank, Gills 1993). Одна за другой сменяют друг друга ранние империи, период реальной гегемонии каждой из которых не превышает 100 лет: Аккадское царство Саргонидов (XXIV–XXII вв. до н. э.), государство III династии города Ура (XXII–XX вв. до н. э.), Староавилонское царство (XIX–XVII вв. до н. э.). В этот период данный

³ Причем появляются такие утверждения, которые нельзя игнорировать. «Согласно докладу Фонда Thomson Reuters, в результате Арабской весны положение женщин в арабских странах ухудшилось», – пишет В. Мацца в статье, опубликованной в газете *Corriere della Sera* (Мацца 2013).

⁴ О войнах в примитивных обществах см., например: Keeley 1996.

регион представлял собой наиболее передовую (и наиболее крупную) часть культурной ойкумены. Поэтому столкновения в его пределах вполне можно рассматривать как предтечу борьбы за мировой порядок. Наиболее известными эпизодами этой борьбы в центре Афроевразийской мир-системы были соперничество между Египтом Нового царства, Митанни, Ассирией и Хеттским царством (середина и вторая половина II тыс. до н. э.)⁵, возвышение Новоассирийской империи (VIII–VII вв. до н. э.), образование коалиции против Ассирии (из Египта, Нововавилонского царства, мидийцев), а также разгром Ассирии и разрушение ее столицы Ниневии в конце VII в. до н. э. После этого на арену вышло сначала Мидийское царство (673–550 гг. до н. э.), а затем и Персидская империя Ахеменидов (550–331 гг. до н. э.). Эта первая мировая держава погибла в результате побед Александра Македонского, разделившаяся империя которого создала мир эллинистических империй, соперничавших между собой вплоть до завоевания их Римом. Борьба за гегемонию во многом способствовала развитию государственности и ее распространению, а также созданию государства нового типа (то есть развитых государств; см.: Гринин 2016).

Бурное формирование мировых империй в районе Ближнего и Среднего Востока, Европы и Китая к началу нашей эры на время прекратилось, создав на дальних рубежах Афроевразийской мир-системы два наиболее крупных образования: Римскую империю, ставшую образцом *Pax Romana*, и китайские империи, переживавшие периоды подъема и распада. Затем в I тыс. н. э. мы видим временный период крушения существующего порядка и медленное создание нового (уже скорее на идеологических основах) и в Европе, и на Среднем Востоке.

Появляющиеся крупные державы и цивилизации вступают в борьбу с кочевым миром. Именно кочевники оказываются способными к объединению обширных территорий. Возникают, говоря современным языком, нации-армии. Борьба оседлых и кочевых по-

⁵ В итоге сложных политических событий Митанни и Хеттское царство исчезли с политической карты, а Египет Нового царства в конце II тыс. до н. э. ослабел и стал терять территории. Отметим, что эта борьба вела к быстрому распространению инноваций, в частности металлургии железа в конце II и первой половине I тыс. до н. э. К сожалению, с самых древних времен и по сегодняшний день существует практика, когда ожесточенная борьба на внешних театрах является двигателем технического прогресса.

литий, таким образом, стала одним из важнейших процессов, вокруг которых строились контуры политической карты Мир-Системы (см. об этом: Grinin, Korotayev 2013; 2014b).

К концу Средних веков и началу Великих географических открытий (когда началась мощная экспансия глобализации) политическая картина формирующейся Мир-Системы претерпела многократные изменения, объединения и распады. К этому времени уже сформировались некоторые идеи и принципы, а также тренды и паттерны, которые играли в дальнейшем важную роль в формировании мирового политического порядка. Во-первых, нельзя не заметить длительных периодов колебания, связанных то с установлением определенного баланса сил, то с нарушением этого баланса, ведущего к серьезным изменениям. Эти колебания прослеживаются и далее вплоть до современности. Генри Киссинджер, самый известный американский дипломат XX в., считает понятие баланса сил исключительно важным и уделяет ему очень большое внимание (Киссинджер 1997). Во-вторых, можно выделить некоторые факторы, которые особенно влияли на изменение баланса. Выше мы отмечали технологический фактор. Важную роль начал играть также фактор идеологический. Длительное время борьба за гегемонию практически не имела идеологического характера, являясь лишь показателем успехов и величия того или иного правителя. С периода греко-персидских войн появляется идея противопоставления Азии и Европы, а также идеологической модели борьбы между культурным центром и варварской периферией (доктрина, нашедшая последовательное идеологическое выражение сначала в средневековом Китае, а затем в идеологии колониализма). Идеологическая борьба становится важной частью внешнеполитической деятельности уже в начале нашей эры⁶, но особенно усиливается в результате противостояния ислама и христианства. Идеологический фактор, таким образом, включается в качестве постоянного и важного в процесс влияния на формирование международного порядка (см. ниже). Он и сегодня властно напоминает о себе, хотя и не является первичным источником конфликта в мире после хо-

⁶ Так, сасанидские правители в Персии начинают активно покровительствовать зороастризму, преследовать манихеев и затем христиан (Петрушевский 1977; Грантовский 1987). Христианские правители начинают распространять христианство и преследовать еретиков и т. д.

лодной войны, как нередко трактуют идеи С. Хантингтона (1994; 2003). Среди политических идей нельзя не отметить проблематику легитимности политического порядка в государстве; проблемы легитимации, в свою очередь, тесно связаны с формированием внутренней и внешней политики. Институционализация идеологических противостояний в Новое время становится важной основой политического порядка.

Великие географические открытия обозначили новые векторы в процессе формирования мирового порядка. Во-первых, арена фактически расширилась до глобальной. Во-вторых, началось формирование особого типа колониализма как источника производственных накоплений метрополии, что характеризовало мировую политику в течение последующих четырех с половиной веков. В-третьих, начинается формирование центра и периферии Мир-Системы, то есть модели, которая не утратила своего значения во внешней политике до сих пор.

Формирование мирового порядка

Международный порядок как некая система практик и представлений о том, на каких принципах должны выстраиваться отношения между странами и в мире в целом, стал формироваться в XVI в., когда начали зарождаться дипломатические отношения и просматриваться контуры системы «великих держав» в Европе, а также система колониальных империй⁷. Прообраз правовых принципов системы международных отношений наметился в результате Вестфальского мира 1648 г., завершившего опустошительную Тридцатилетнюю войну в Центральной Европе. Эти принципы развивались затем в течение более двух сотен лет (о Вестфальской системе см.: Rayner 1964; Parker 1997; Spruyt 2000). Особенно следует отметить принципы суверенитета и легитимности верховной власти, реализованные во внутренней политике, прежде всего в праве решения вопросов войны и мира (см.: Гринин 2008; 2009б). Принцип ле-

⁷ Наполненный страстной идеологической борьбой, XVI в. важен и в смысле формирования принципов современной дипломатии с прообразами постоянных послов и посольств, определенными правилами и защитой дипломатов (Сказкин 1940: 175–177; Дэвис 2005: 384). Формирование национальных государств, которые включились в постоянные войны, порою приобретавшие общеевропейский характер, имело своим следствием развитие форм современной дипломатии, в чем особо важную роль сыграли итальянские государства и государи, включая папу Льва X (Косминский 1940: 156–166; Сказкин 1940: 175).

гитимности позднее выдвинулся на первый план в ходе Великой французской революции.

Тридцатилетняя война в значительной мере продолжала в общеевропейском масштабе традицию религиозных войн XVI в. Но в то же время она ввела во внешнюю политику два новых принципа, впоследствии широко использовавшихся: 1) поддержание международного баланса сил путем помощи более слабой коалиции против сильной; 2) приоритет национальных интересов перед иными (религиозными, идеологическими и т. п.). Оба этих принципа сформулировал и реализовал кардинал Ришелье (Киссинджер 1997), который, несмотря на то, что Франция была католической державой, в итоге вступил в войну на стороне более слабой коалиции протестантских государств против угрожавшей мировой гегемонией империи Габсбургов (Дэвис 2005: 385–386). Именно в ослаблении Габсбургов, а также недопущении консолидации слабо интегрированных и разобщенных конфессионально германских государств Ришелье (как позже и Людовик XIV) видел национальный интерес Франции, позволявший ей эффективно влиять на общеевропейские дела. С учетом того, что сам Ришелье являлся католическим кардиналом, это был смелый шаг, который, однако, делал внешнюю политику еще более циничной, чем ранее. С этого времени мы наблюдаем тренд, когда формирование внешней политики европейских государств начинает строиться в русле определенных стратегем и принципов.

Основные факторы, влияющие на формирование европейского/мирового порядка. Как уже было сказано, вопрос баланса сил в международной системе и его нарушений является центральным для понимания и внешней политики тех или иных государств, и общей конфигурации европейских и мировых отношений. В частности, осознанная внешняя политика ряда государств (особенно Франции, а позже Англии) позволяла им путем целенаправленных действий формировать разнообразные военно-политические союзы, так или иначе выравнивая этот баланс в свою пользу⁸. Зная это, мы лучше понимаем логику формирования порой причудливых

⁸ В этом выравнении баланса содержится смысл высказанного лордом Палмерстоном принципа: «Англия не имеет вечных союзников и постоянных врагов. Вечны и постоянны только ее интересы (England has no eternal allies and perpetual enemies. Its interests are eternal and perpetual)».

союзов в течение XVIII и XIX вв., а также постоянные переходы их участников из одного лагеря в другой.

Конечно, этому способствовала особенность европейской геополитики того периода: множество государств, отсутствие явного гегемона и система великих держав. С другой стороны, например, в Китае геополитический расклад был связан с тем, что это государство (Срединная империя) неизбежно занимало в регионе центральное место по всем параметрам, что препятствовало развитию современной дипломатии и формированию представлений о внешней политике как о сложной системе более или менее равных держав. Основные идеи китайской политической мысли концентрировались на том, как защитить государство, натравить варваров на варваров, обеспечить успешность походов против кочевников и т. п. Неудивительно, что европейскую систему позднее оказалось возможным частично перенести на общемировой уровень, а китайскую – нет.

Баланс сил между державами мог меняться в связи с самыми разными явлениями, включая внутренние мятежи, пресечение династий и т. п. Среди долгосрочных процессов необходимо отметить неравномерность в росте населения, территории, богатства, промышленности, торговли⁹. Все это должно было конвертироваться в военную мощь. Пороховые и военные революции (Downing 1992) привели к формированию нового типа армий (Мак-Нил 2008), что также способствовало государственному строительству и формированию нового типа (зрелых) государств (см.: Grinin 2008; Гринин 2016). Совершенствование мореходства привело к торговой экспансии Голландии, а затем в результате военно-морских побед в XVII в. эту эстафету подхватила Англия, надолго став «владычицей морей». Результат развития военной техники мы видим в успехах шведской армии в XVII в., прусской и российской – в XVIII в. В рамках нашего исследования особенно важно отметить технологические инновации, конвертируемые в военное преимущество, поскольку значимость этого фактора со временем нарастала. Так, Крымская война (1853–1856 гг.) была выиграна Францией и Ан-

⁹ Так, выход на авансцену в XVI в. Португалии и Испании был связан с их колониальными успехами и огромными богатствами, которые потекли в их казну, в то время как эти же открытия обрекли итальянские торговые государства на постепенный упадок.

глей у России именно в результате технологического превосходства.

По мере формирования массовых армий, а также полного перехода к индустриальному принципу производства исключительно важным фактором стали общая экономическая мощь государства и его обеспеченность ресурсами. Именно суммарное экономическое превосходство предопределило впоследствии победу коалиций над Германией в обеих мировых войнах. В современных условиях с появлением более точных экономических инструментов измерения сравнение экономической (и финансовой) силы дает возможность более оперативно фиксировать тенденции изменения баланса сил.

Наконец, хотя и нерегулярно, но довольно резко баланс сил мог нарушаться в результате смены идеологической парадигмы. Поскольку она также существенно меняла представления о легитимности власти и правомерности ее действий, это неизбежно вызывало обострение международных отношений и войны между идеологическими противниками. В XVI–XVII вв. мы видим результат этого нарушения в период Реформации, религиозных войн и затем в упорядочении разделения Европы на протестантскую и католическую. Новым идеологическим кризисом, подготовленным десятилетиями активной научно-общественной деятельности века Просвещения, стала Великая французская революция (в конце XVIII в.), подорвавшая святость монархии и аристократии. Итогом этого стала почти четвертьвековая череда бесконечных войн, коалиций, триумфа и падения Наполеоновской империи, упразднений и восстановления монархий. Новый идеологический поворот начался уже после Первой мировой войны как результат глубокого кризиса мирового порядка, а после Второй мировой войны идеологический раздел (между социализмом и капитализмом) стал ведущей конструкцией нового мирового порядка.

Хотя этот факторный анализ установления и изменения мирового порядка явно неполон, тем не менее, даже опираясь на выявленные факторы, можно многое объяснить в причинах и результатах эволюции мирового порядка, а также попытаться применить этот анализ для прогнозирования контуров будущего мирового порядка.

От «концерта великих держав» к однополярному миру. Система «великих держав» действовала с XVII в. до середины XX в. Естественно, что состав этих государств менялся, и каждая такая смена была связана с заметным изменением сложившегося порядка. В XVII в. на место в ряду таких держав периодически претендовала Швеция, но в результате Северной войны с Россией она утратила свое значение, а Россия, напротив, вошла в состав «великих держав». Различные европейские государства, особенно Франция, также активно пытались использовать для сохранения или изменения баланса сил Турцию, но полноценно в систему европейского мира она не вошла. В XVIII в., при Фридрихе II, в этот «клуб» вошла Пруссия, после чего пул великих европейских держав почти на столетие стабилизировался (Франция, Англия, Пруссия, Австрия, Россия).

Текущие подвижки в балансе сил в Европе в XVIII в. происходили главным образом в связи: а) с удачными реформами государственного управления и реорганизацией армий (примерами чего являются Россия и Пруссия); б) ростом торговли и богатства; в) техноэкономическим подъемом (его продемонстрировала Англия в результате так называемой аграрной революции и завершающей фазы промышленной революции). Таким образом, именно Англия во второй половине XVIII в. стала управлять балансом сил в Европе, объединяясь то с одним государством, то с другим, создавая и разрушая коалиции. В итоге это привело к исчезновению с карты Европы Польши, в полный упадок пришли прежние ведущие державы Испания и Португалия, эта же причина практически свела на нет роль Генуи и Венеции. Технологическое отставание Голландии, которая была лидером в XVII в. (Arrighi 1994), привело к серии ее поражений в войнах и утрате политической роли.

В этом столетии не было крупных идеологических переломов, но идея национального государства и национальных интересов все более укреплялась, хотя ей еще долго пришлось пробивать себе дорогу к всестороннему признанию.

Существенной вехой на пути формирования принципов и форм контроля за международными отношениями стали Венский конгресс 1815 г. и возникший в результате его работы Священный союз монархов. Последний стремился сохранить в Европе статус-кво

и сообща бороться с революциями. Этот новый идеологический поворот знаменовал возврат к принципу легитимности монаршей власти. Тогда же возникла концепция и достаточно эффективная система Европейского концерта (главным образом из перечисленных выше пяти великих держав), призванная поддерживать равновесие и баланс сил и не доводить проблемы до войн. Она предусматривала многостороннюю дипломатию и возможность регулярных международных конференций. Система просуществовала до Крымской войны 1853 г. (в некоторых аспектах – и до 1914 г.). По мнению Г. Киссинджера, этот Европейский концерт, который черпал свое вдохновение в принципах Вестфальского мира 1648 г. и был основан на идее равновесия сил, в известной мере является образцом для модели мирового порядка и сегодня (Киссинджер 1997; Kissinger 2014). Действительно, поскольку современный мир отходит от однополюсности, не исключено, что и будущая мировая система сформирует нечто вроде такого «концерта», например нескольких ведущих союзов государств (см. ниже).

В связи с ростом колониальной активности с первой половины XIX в. в сферу мировой политики вовлекаются азиатские страны (Китай, Япония, Сиам и др.), одновременно образуется множество новых государств в Латинской Америке. Таким образом, начинает формироваться буквально мировой порядок, но главные события по-прежнему происходят в Европе.

Стремление к формированию обновленной легитимации власти являлось значимым фактором в европейской политике в течение 1815–1948 гг., порой идя вразрез с национальными интересами стран. Однако революционная волна 1848–1849 гг., индустриализация Европы и смена власти во Франции в итоге подорвали эту идеологию, заменив ее на более откровенную и циничную. Последняя была связана с политическим лавированием в поисках новых комбинаций союзов, которые позволили бы приобрести те или иные выгоды вне зависимости от идеологической близости режимов или их взаимной антипатии. Позднее такую политику в Германии времен Бисмарка окрестили *Realpolitik*. Эта деидеологизация в определенной степени объясняет череду различных союзов и коалиций между «великими державами» с 1870-х гг. до начала XX в., которые были, однако, не слишком устойчивыми. Главным иници-

атором таких союзов выступал немецкий канцлер О. Бисмарк, по общему признанию, непревзойденный мастер комбинаций и компромиссов.

В ходе Венского конгресса был создан Германский союз (вместо упраздненной Наполеоном Священной Римской империи германской нации). Хотя число немецких государств уменьшилось с трех сотен до четырех десятков, в целом Центральная Европа оставалась разобщенной. Однако именно это считалось важнейшей составляющей баланса сил, а сохранение такого состояния Германии было важнейшей целью национальной политики Франции, Англии, а также всех остальных держав. Соперничество за влияние в этой части Германии определяло политику двух крупнейших немецких государств: Пруссии и Австрии.

Вот почему главным изменением в Европе в начале 1870-х гг. стало объединение Германии под властью Пруссии, произошедшее в результате нескольких победоносных для Пруссии войн (благодаря искусной политике Бисмарка и ошибкам Австрии и Франции). Это сразу же резко изменило баланс сил, так как в центре Европы образовалось государство, превосходившее по силе любую другую державу. Для Франции возникла острейшая необходимость найти себе союзника, поскольку после поражения во Франко-пруссской войне 1870–1871 гг. Германия продолжала быть угрозой для этой страны, а французы мечтали о реванше. Бисмарк, в свою очередь, опасался войны для Германии на два фронта, поэтому стремился заручиться союзом с Россией. Однако после его отставки (1890 г.) противоречия между Россией и Австро-Венгерской империей на Балканах привели к тому, что Россия и Франция заключили союз против Германии (1892 г.), а затем появился договор между Францией и Англией (Антанта, 1904 г.)¹⁰. Военно-экономическое усиление Германии заставило Англию в соответствии со своей излюбленной стратегией присоединиться к менее мощной группировке,

¹⁰ В конце XIX – начале XX в. причины для напряженности и конфликтов между державами в значительной степени были связаны с окончательным разделом мира на колониальные владения и сферы влияния. Несколько раз это ставило мир на грань войны. В 1903–1907 гг. споры между Францией и Англией, а также между Россией и Англией удалось урегулировать ради военного союза. Однако напряженность по поводу колоний и сфер влияния между Германией и Францией, Россией и Австро-Венгрией стала одной из важных причин Первой мировой войны.

чтобы ослабить ведущую континентальную державу, какой стала объединенная Германия. Быстрое развитие промышленности европейских держав, бум технических инноваций, серьезные изменения в средствах войны – все это подталкивало соперников (особенно Германию) к тому, чтобы изменить баланс сил путем военной победы.

От баланса сил к однополюсности. Так сформировались военно-политические союзы, а Европа оказалась разделенной на два противостоящих блока. Первая мировая война стала итогом этих процессов, политическая карта мира и расклад сил в нем принципиально изменились. С включением в состав ведущих игроков Японии и США политика стала уже подлинно общемировой, даже появился первый всемирный орган, пытавшийся влиять (правда, не всегда результативно) на формирование новых принципов международных отношений, – Лига Наций.

Мировой порядок, сформировавшийся после Первой мировой войны, установился лишь на очень короткое время. Радикальные изменения, произошедшие в это время, включая появление СССР, развитие новых систем вооружения, грандиозный экономический кризис, нежелание Германии признавать наложенные на нее ограничения, и другие причины привели к новому обострению отношений и новой войне.

Порядок, который установился после Второй мировой войны, имел существенные отличия от предыдущих вариантов мирового порядка. Во-первых, теперь имелись только две сильнейшие державы (США и СССР), то есть мир стал двуполосным, а затем и двублоковым (НАТО и Организация стран Варшавского договора). Во-вторых, он формировался по идеологическим основаниям. Подобные основания никогда прежде не лежали в основе мирового порядка, также и создание устойчивых идеологических блоков произошло на мировой арене впервые. Не исключено, что именно идеологизация обеспечила довольно длительное существование послевоенного мирового порядка.

В сущности, в сложившемся и достаточно устойчивом виде мировой порядок, который так или иначе признавался и поддерживался ведущими силами, обычно держался максимум три-четыре десятилетия, а то и меньше. Система, существовавшая до Великой

французской революции (1789 г.), действовала менее 30 лет. Она возникла после Семилетней войны (то есть после 1763 г.) и была уничтожена в 1790–1791 гг. Порядок, установившийся после Наполеоновских войн и Венского конгресса, был разрушен революциями 1848–1849 гг. и Крымской войной, то есть просуществовал менее тридцати пяти лет. Следующая система мирового порядка начала формироваться после образования Германской империи в 1890-х гг. и была разрушена Первой мировой войной, просуществовав менее 20 лет. Версальский мир (1919 г.) был грубо нарушен Германией уже в 1935 г. Таким образом, мировой порядок после Второй мировой войны, с 1945 по 1990 г., державшийся 45 лет, стал своего рода рекордом.

Современное состояние мирового порядка и его проблемы

Разворот к Pax Americana в конце XX в. Распад социалистического блока и Советского Союза в конце 1980-х – начале 1990-х гг. разрушил прежний мировой двублоковый порядок. Поскольку после краха СССР начал устанавливаться однополярный мир, то и представления о новом мировом порядке часто проецировались на убеждение в безраздельном господстве западных экономик, институтов и идей (см., например: Attali 1991), совершенствующих остальную мир. Более того, характеристики нового мирового порядка в ряде работ стали едва ли не синонимичны идее Pax Americana (см., например: Бжезинский 1999; Collins 2002: 118). Идеи Г. Киссинджера (1997; 2002) о поиске новой системы равновесия сил были исключением, и это неудивительно. К тому времени США, в отличие от предшествующих мировых лидеров, сосредоточили в своих руках ключевые ресурсы лидерства: от технологических, финансовых и военных до научных и культурных. Это был первый (и, видимо, последний) случай в мировой истории.

Ниже сформулирован ряд характерных черт и методов современной американской внешней политики¹¹ (подробнее см.: Гринин 2015).

¹¹ Подобные черты в той или иной степени имеют место и в политике других стран, но в не столь выраженном виде, как в США.

1. Высокомерие сверхдержавы, злоупотребление силой в ущерб дипломатии, в том числе в отношении союзников. С 1945 г. США осуществили много войн и интервенций, но их частота существенно возросла в последние два десятилетия – с 1991 по 2011 г. (см., например: Ларисон 2015; Хэрланд 2014).

2. Использование так называемой «мягкой силы» (эвфемизм вмешательства во внутренние дела с помощью различных методов, действия через всякого рода НГО и НКО в координации с разведкой и спецорганами) для оказания влияния на правительства, законодателей, бизнес и пр. При необходимости – осуществление подрывной деятельности и переворотов, «цветных революций». Все более активное использование разведанных и электронной слежки для контроля над политиками стран-союзниц.

3. «Дипломатия доллара» через займы, помощь, влияние международных финансовых организаций, которая усилилась благодаря навязыванию определенных правил работы для национальных центральных банков.

4. Узкий прагматизм внешней политики, доходящий до того, что одни действия начинают противоречить другим, а главное – общим целям внешней политики и интересам страны; намерение добиться капитуляции противника и недостаточное стремление к компромиссам, которые могли бы обеспечить сотрудничество в будущем.

5. Идеология исключительности, навязывание собственных стандартов (в том числе в политическом и юридическом устройстве); чрезмерное влияние внутривнутриполитической борьбы на внешнюю политику.

Все эти практики имели место и ранее, но в последние двадцать лет они стали нагляднее и откровеннее, а их обоснование – намного слабее. События 11 сентября 2001 г. развеяли представление о том, что США недосыгаемы для противника и могут наносить удары, не опасаясь возмездия. Этот момент стал поворотным пунктом в политике Соединенных Штатов, многие черты и методы их внешней и внутренней политики становятся гипертрофированными. США отказываются от собственных принципов свободы, начинают слежку за собственными гражданами, а также за лидерами и населением других стран. Они окончательно теряют уважение

к нормам международного права и принципу государственного суверенитета (Хэрланд 2014).

Глобализация и кризис однополярного мира. Как уже было сказано, международный баланс сил весьма существенно зависит от неравномерности экономического и технологического развития стран мира. За последние три-четыре десятилетия в этом плане именно глобализация постоянно и значительно влияла на изменение мирового порядка. Она способствовала разрушению установившегося послевоенного порядка и установлению полной гегемонии США. Впоследствии вполне закономерно начались изменения баланса экономических сил в мире в пользу развивающихся стран. Одной из главных причин, послуживших этому, стала так называемая деиндустриализация, то есть переход значительной части промышленности, экономики и технологии из развитых в развивающиеся страны¹². Как следствие, ослабел экономический рост в западных странах и возросла роль остального мира (развивающихся стран). В целом, хотя это и звучит для многих непривычно, к настоящему моменту глобализация оказалась полезна развивающимся странам даже более, чем развитым.

В результате к началу глобального экономического кризиса 2008 г. представления о новом мировом порядке, основанном на западной гегемонии, вошли в явное противоречие с реальными процессами. За эти менее чем двадцать лет (с 1991 г.) на фоне ослабления Европы и продолжающейся стагнации Японии выросли экономические гиганты в Азии (Китай и Индия), а также появилась целая когорта быстроразвивающихся стран (от Мексики до Малайзии и Эфиопии). Они продолжают расти (хотя и не без трудностей) и займут лидирующие позиции в мире в не столь отдаленном будущем.

Таким образом, именно глобализация, которую Америка активно навязывала миру и в которой видят источник трудностей развивающихся государств, сделала данную тенденцию ослабления богатых стран и усиления бедных неизбежной. В этом заключается логика истории, которую, правда, все еще до конца не поняли: развитие глобализации с некоторого момента оказалось несовмести-

¹² Подробнее о том, как и почему глобализация изменила расклад в мире, см.: Гринин 2013; Grinin, Korotayev 2015.

мым с устоявшейся моделью американской и западной гегемонии (см.: Гринин 2013; 2015; Grinin, Korotayev 2014a; 2015).

Закат лидерства США и Запада. Возможен ли возврат? Экономические кризисы начала XXI в. сделали процесс ослабления лидерских возможностей США достаточно явным. Однако о неизбежном закате американского могущества стали говорить еще с 1970–1980-х гг. (Kennedy 1987). С 1990-х гг. количество прогнозов относительно неизбежного ослабления американской гегемонии и одновременно грядущего выхода Азии на лидирующие позиции стало увеличиваться (см., например: Arrighi 1994; 2007; Валлерстайн 2001; Франк 2002; Buchanan 2002; Капхен 2004; Тодд 2004; Mandelbaum 2005; Мир... 2009; NIC 2012; см. также: Пантин, Лапкин 2006; 2014; Гринин 2009b; Grinin, Korotayev 2010a; 2010b; 2015). Сначала такие прогнозы воспринимались скептически. Однако по мере нарастания негативных явлений в Америке и успехов азиатских стран идея о закате США представлялась все более обоснованной, вызывая в зависимости от предпочтений торжество или тревогу. С 2008 г. появляется все больше статей (причем некоторые вышли еще до начала глобального кризиса), в той или иной мере утверждающих мысль, что американское могущество сокращается, США перестают быть абсолютным гегемоном, однополярный мир трансформируется и т. п. (см., например: Закария 2008; Милн 2008; Haass 2008; Le Monde 2008). Многие из статей носили весьма выразительные заголовки, например: «Иллюзорность американского могущества» (Гринуэй 2008); «Конец американской эпохи?» (Кеннеди 2009); «Падение Америки создает опасные возможности для ее врагов» (Tisdall 2008); «Величие Америки рухнуло и раскололось на куски» (Грей 2008); «“Американский век” на закате» (Reid 2008). Такого рода статьи постоянно появлялись и появляются (см., например: Бреммер 2015; Клэр 2015; Уитни 2015). Похоже, гегемонии США, которая длилась более шестидесяти лет, приходит конец. Рано или поздно Соединенные Штаты Америки не смогут более быть лидером Мир-Системы в привычном для нас смысле, в результате чего геополитический ландшафт мира серьезно изменится (см. ниже). Роль США и Запада сократится, а развивающихся стран (особенно крупных) – возрастет.

В 2008 г. Фарид Закария, известный политолог и редактор *Newsweek International*, писал, что у США есть два варианта. Они могут укрепить формирующийся миропорядок, сотрудничая с новыми «великими державами», поступившись частью своего могущества и привилегий, и согласиться с тем, что завтрашний мир будет отличаться разногласиями и многообразием точек зрения. Или же могут пассивно наблюдать за тем, как «взлет других» порождает рост национализма и раздробленности, который постепенно разорвет в клочья тот миропорядок, который США строили последние 60 лет (Закария 2008; 2009). Однако он ошибался: США, едва восстановившись после кризиса, избрали третий вариант – подорвать мощь соперников и тем самым остаться на прежних позициях единственной сверхдержавы. Эти усилия США в последние несколько лет особенно увеличивают турбулентность в мире. При этом цена, которую мир заплатит за их амбиции, Соединенные Штаты, видимо, не волнует. Хотя все чаще раздаются призывы, что США следует более трезво взглянуть на истинную цену якобы добрых намерений, оторванных от реальности (ван ден Хейвел 2015), американцы их не слышат.

Все это значит, что новый мировой порядок установится со значительными трудностями. Однако рано или поздно он установится, и это уже будет не американский мир. Вопрос о том, не может ли «закат» США в конечном счете обернуться их новым «восходом», остается открытым и дискуссионным, тем более что очень многие американцы не хотят мириться с таким положением вещей. Кроме того, некоторая стабилизация американской экономики и активизация в традициях гегемонии внешней политики поддерживает надежды тех, кто верит, что американский век будет длиться долго. Многие надеются на некое технологическое или иное чудо, которое возродит американскую мощь, либо на способность США сдерживать соперников. Отмечаются разного рода возможности поддержать лидерство Соединенных Штатов (см., например: Милн 2008; Кеннеди 2009; Бреммер 2015; Тройо 2015). Насколько эти суждения обоснованны, мы рассмотрим ниже.

Необходимость нового порядка, проблемы переходного периода и баланса сил. Бремя единственной сверхдержавы оказывается непосильным. Ей приходится считаться с тем, что ее воля

сталкивается не просто с желаниями других наций, но уже с региональными и мировыми интересами. Невозможно все время уверять, что интересы США – это интересы мира, немислимо неопределенно долго нести бремя сверхдержавы, вмешиваясь во все (Бьюкенен 2015). Неудивительно, что даже поддержание претензий на это становится непосильной задачей, а реакция на недостаток сил – все более нервной.

В то же время надежды некоторых политологов и экономистов на скорый и обвальный крах США беспочвенны: такое сокращение, скорее всего, будет происходить постепенно, по мере того как объективные обстоятельства, включая рост периферийных стран, будут этому способствовать. Как говорит знаток «великих держав» П. Кеннеди, этот уход будет долгим (Кеннеди 2009; см. также: NIC 2008; Закария 2009). Кроме того, надо учитывать, что мир в целом пока еще заинтересован в сохранении американского лидерства (см., например: Закария 2009; Барбер 2014).

Действительно, ослабление лидерских функций США несет множество проблем. Обычно предполагается, что место США как лидера займет ЕС, Китай или кто-то еще (от Индии до России; но чаще всего речь идет о Китае). Тем не менее это глубокое заблуждение: дело вовсе не обойдется простой сменой лидера. Поэтому крайне необходимо активно исследовать весь спектр вытекающих из этого процесса последствий.

Наши предположения о принципах нового мирового порядка опираются на следующие выводы. Во-первых, на смену США не может прийти новый гегемон, который обладал бы таким же набором лидерских преимуществ, каким сегодня обладают Соединенные Штаты. Следовательно, потеря США статуса лидера приведет к коренному изменению всей структуры мирового экономического и политического порядка. По этой и многим другим причинам утрата США роли лидера будет означать глубокую, весьма трудную и кризисную трансформацию самой Мир-Системы, даже ближайшие последствия которой во многом не ясны (подробнее об этом см.: Grinin 2009; 2011; 2012a; 2012b; Grinin, Korotayev 2010b; 2011; 2015).

Во-вторых, ослабление лидерских возможностей Соединенных Штатов неизбежно и будет проявляться все заметнее при сохране-

нии у США целого ряда преимуществ перед другими конкурентами в борьбе за лидерство (Закария 2009; Бреммер 2015; Бирлинг 2015). В-третьих, мир в определенной мере заинтересован в «мягком» лидерстве США, но никак не в диктаторе, задача которого – любыми методами подорвать мощь соперников. В-четвертых, для перехода к новому состоянию мира придется на ощупь искать и формировать принципы и условия, создавать прецеденты и нужные комбинации. Следовательно, это будет трудный и долгий поиск. В-пятых, путь к новому мировому порядку связан с временным усилением турбулентности и конфликтности, нестабильности, борьбы различных версий нового порядка, то есть с наличием определенного мирового «беспорядка».

Таким образом, сегодня все отчетливее просматриваются тенденции к тому, что новый мировой порядок будет иным, миром без гегемона, хотя он и будет включать в себя те или иные центры силы и влияния, среди которых, возможно, важнейшим будут оставаться США. Они могут претендовать только на звание «первого среди равных», а не на роль сверхдержавы и гегемона (НИС 2008; Закария 2009). Соответственно, появляются два сценария «ухода» США: 1) осмысленный и наиболее выгодный для них в долгосрочной перспективе путь строительства нового мирового порядка с максимальным сохранением своего влияния, но не диктата; 2) ожесточенная борьба США за сохранение статус-кво, включая всевозможные действия по подрыву и ослаблению соперников. Это будет неизбежно выступать источником постоянной напряженности и конфликтности. Создается впечатление, что США избирают второй путь (хотя очередной экономической кризис может заставить их свернуть на первый, правда, много времени и возможностей уже будет утрачено). Однако даже при движении по второму пути США будут вынуждены все активнее искать союзников, формировать новые глобальные союзы (см. ниже). Так или иначе, именно борьба вокруг гегемонии США и позиция Америки в отношении крупных и быстрорастущих стран будет составлять главную интригу современных глобальных противоречий¹³.

¹³ Основная неопределенность состоит в том, как власти США будут отвечать на сигналы, противоречащие их точке зрения, что справедливо отмечал Джордж Сорос (2009).

Почему усиление «беспорядка» в известной мере если не неизбежно, то более вероятно, чем «мягкий» переход? Прежде всего потому, что движение к новому состоянию требует мудрости и компромиссов со стороны всех, особенно США. Однако мудрость всегда являлась дефицитным качеством в среде политических элит. Существуют и более глубокие причины. Радикальное изменение баланса экономических сил в мире, о котором мы говорили выше, создает объективные условия для пересмотра мирового порядка. Однако оно вовсе не влечет за собой автоматическое изменение военно-политического баланса. Для этого, образно говоря, требуется подтягивание политической составляющей мирового развития (политической глобализации) к экономической. Очевидно, что вторая значительно опередила первую. Дальнейшее развитие без такого подтягивания будет затруднительным. Такое неизбежное сокращение разрыва между экономической и политической глобализацией мы назвали в свое время реконfigurацией Мир-Системы (см.: Гринин 2012г; Grinin, Korotayev 2012).

Основные векторы этой реконfigurации – ослабление прежнего центра Мир-Системы (США и Запада), одновременное усиление позиций ряда периферийных стран и в целом увеличение роли развивающихся стран. При этом необходимо иметь в виду, что такое подтягивание (политической составляющей глобализации к экономической) происходит рывками и означает более или менее острые политические и геополитические кризисы в тех или иных регионах. Мы рассматриваем кризисы и потрясения на Ближнем Востоке и Украине именно как такие «реконfigurативные» кризисы, которые одновременно являются и геополитическими, требующими изменения мирового порядка. При этом становится все более вероятным возникновение мощных и, возможно, внезапных кризисов в тех или иных обществах или регионах. Их внезапность может оказаться сродни землетрясению. И, продолжая геологические сравнения, стоит заметить, что подобно тому как тектонические сдвиги происходят по линии наиболее подвижной земной коры и на границе тектонических плит, такого рода реконfigurационные кризисы также возникают в регионах и обществах, наименее устойчивых и расположенных на стыках геополитических «плит». И очень вероятны дальнейшие разломы.

Как Ближний Восток, так и Украина относятся к таким регионам. Поэтому можно предположить, что особо значимые изменения будут происходить в периферийных странах, которые, образно говоря, лежат на стыке геополитических «плит». На стыках находятся также общества Закавказья и Средней Азии, Западного Китая (Тибет и Сянцзян), Западной Африки (на стыке исламской и Тропической Африки), некоторые регионы Южной Америки. Это довольно неустойчивые регионы, где уже проявляются некоторые симптомы кризиса либо они возможны (но это не означает, что они обязательно будут). Напомним также, что в одном из выпусков мониторинга (Коротаяев и др. 2014) анализировались пять главных зон нестабильности, которые условно можно обозначить как Центральноазиатскую (включающую Афганистан и Пакистан), Ближневосточную, Североафриканскую, регион Сахеля и Тихоокеанскую. При этом последняя явно выделяется из общего списка, распространяясь исключительно вдоль границ Китайской Народной Республики и являясь скорее следствием китайских внешнеполитических приоритетов и амбиций. Что же касается остальных регионов, то они в совокупности представляют собой единую непрерывную «афразийскую макрону нестабильности» (см. также: Коротаяев, Исаев 2014; Коротаяев и др. 2015).

Но речь не идет только о полупериферии и периферии Мир-Системы. Неустойчивость проявляется и в ядре Мир-Системы, о чем свидетельствуют политические кризисы в ЕС (в частности выход Великобритании из него и угроза выхода других стран), а также сложная политическая ситуация в США (связанная с выборами президента в 2016 г.), которая потенциально ведет к расколу общества.

Таким образом, повторим, необходимость в подтягивании политической составляющей (что рано или поздно неизбежно должно привести к формированию нового мирового порядка) означает, что какое-то значимое время (одно-два десятилетия) мир будет находиться в весьма турбулентной эпохе с характерными для нее кризисами и усилением напряженности (Гринин 2015; Grinin 2009; 2013; Grinin, Korotayev 2012; 2014a; 2015). Кроме того, указанное подтягивание предполагает, что экономическое развитие мира в этот период будет относительно слабым (см.: Там же), а это дополнительно может как усилить напряженность, так и склонить страны к сотрудничеству.

Почему и как должен измениться мировой порядок

Почему мировой порядок должен измениться? Сначала рассмотрим причины и направление вероятного изменения баланса сил. Необходимо четко различать два аспекта проблемы. Первый – объективные причины и тенденции, которые делают процесс изменения неизбежным. Второй – конкретный ход событий, предугадать который крайне сложно (здесь возможны временные и существенные победы США). В то же время радикально изменить ход событий для США возможно только в случае, если они смогут вновь увеличить свою долю в мировом ВВП и других показателях, что пока представляется почти невероятным. Напротив, мы полагаем, что тенденция (пусть с колебаниями) более быстрого экономического роста развивающихся стран по сравнению с развитыми будет доминировать в ближайшие два десятилетия, что может необратимо повлиять на изменение мирового порядка. Чтобы лучше аргументировать данные идеи, рассмотрим в динамике, как трансформируются основные преимущества, позволяющие сегодня поддерживать гегемонию Запада, а именно: финансовое, технологическое и экономическое превосходство¹⁴.

Финансовое превосходство. Финансовое преобладание – одно из самых главных преимуществ Запада, используемое в том числе и для обрушения экономики соперников. По объему оборота капиталов, мощи финансовых и банковских корпораций, стоимости активов и т. п. западные страны превосходят остальные государства едва ли не в той же степени, в какой ранее превосходили их в промышленном развитии. Также исключительно важным преимуществом западных стран являются свободно конвертируемые валюты. По мнению П. Кругмана (2013), странам с такими валютами можно

¹⁴ Военное превосходство исключительно важно: оно позволяет проводить, выражаясь политическим жаргоном прошлого века, «дипломатию канонерок» и «политику большой дубинки», безнаказанно осуществлять карательные акции, наказывать непокорные режимы и т. п. Впрочем, военная сила в современных условиях – не тот инструмент, с помощью которого можно пытаться решить геополитические задачи в мировом масштабе. Тем более что тем или иным странам достаточно иметь хотя бы потенциальную возможность наносить ущерб армиям США или их союзников (для чего не нужен даже военный паритет), и военное превосходство уже перестает быть «последним доводом». Поэтому мы считаем, что для изменения баланса сил достаточно сокращения финансового и экономического неравенства между первым и третьим миром.

не заботиться об объеме эмиссии и долгов. Действительно, в определенной степени рост экономики Запада с 2008 г. в основном обеспечивали именно финансовые технологии.

Преимущества западной валютно-финансовой системы являются важной частью современного мирового порядка (см., например: Сорос 2009). В какой-то мере в последние два-три десятилетия возникло новое разделение труда в мире: финансовая деятельность сосредоточилась в США и западных странах, а промышленное производство (в том числе и в обрабатывающих отраслях) в большей степени перешло в развивающиеся страны. Тем не менее разрыв в финансовой сфере будет сокращаться и потому, что рост экономик развивающихся стран требует соответствующей финансовой базы, и потому, что рано или поздно значимость валют и финансовых центров этих государств возрастет. Сегодня западные экономики находятся между Сциллой слабого экономического роста с низкими ставками и Харибдой сверхзадолженности, которая может грозить государственным дефолтом. Это своего рода ловушка, выход из которой неочевиден. Все это, особенно в связи с новыми финансовыми кризисами (которые неизбежны и могут обрушить надувшиеся «пузыри» акций и облигаций), в конечном итоге приведет к тому, что система международных расчетов, основанная на долларе, начнет трансформироваться, и это будет хорошей возможностью для изменения мировой валютной системы в целом. В связи с этим, естественно, уменьшится превосходство Запада.

Технологическое превосходство. При сохраняющемся превосходстве Запада уровень его технологического отрыва все же уменьшается и будет уменьшаться за счет следующих тенденций. Во многих крупных корпорациях и научных лабораториях работает большое число ученых и технических специалистов из развивающихся стран (которые, соответственно, становятся носителями инновационной информации и технологии). Многих специалистов приглашают развивающиеся страны, другие сами охотно ищут такие вакансии, поскольку на Западе рабочих мест недостаточно. Такие государства, как Китай, стали активно приобретать целые корпорации с их технологиями. КНР и другие продвинутые развивающиеся страны несут технологии в менее развитые общества. ТНК вынуждены переносить все больше технологий в развивающиеся

страны и частично поощрять в этих странах передовые научные исследования. Чем больше развивающиеся страны продвинулись в культурно-научном отношении, чем больше там будет квалифицированных научно-технических кадров, тем активнее пойдет процесс переноса в них части исследований (где издержки на персонал существенно меньше). Произойдет нечто похожее на перенос промышленных предприятий.

На формирование нового баланса значительно влияет технологическая составляющая, прорыв к инновационной экономике. Мы уже высказывали свои предположения, что новая мощная технологическая волна начнется в 2030–2040-е гг. (см.: Гринин А. Л., Гринин Л. Е. 2015). От того, кто возглавит («оседлает») новый технологический уклад, во многом зависят контуры нового мирового порядка, тем более если эти инновации конвертируются и в военное превосходство. Разумеется, США имеют шансы удержать свое лидерство в мире. С другой стороны, вполне вероятно, что прорыв к новым технологиям произойдет на стыке первого и третьего мира, в каких-либо ТНК, принадлежащих одновременно и метрополии, и периферийным странам (что, кстати, будет вполне логично для глобального мира).

Однако даже в случае нового технологического рывка на Западе этим обществам с ограниченными трудовыми ресурсами и населением, которое все более отвыкает от работы на промышленных предприятиях, будет сложно развернуть новые инновационные массовые производства только в собственных государствах. В таких условиях либо начнется новый виток деиндустриализации, когда оставшаяся индустрия будет сворачиваться и переводиться за рубеж (что опять-таки усилит развивающиеся страны), либо часть инновационных производств начнет разворачиваться в развивающихся странах. Следовательно, даже если технологический отрыв Запада произойдет вновь, он не будет столь значительным и фатальным, как случалось ранее.

Экономическое превосходство. Экономическое преимущество Запада в настоящий момент выражается в более высоком уровне организации и производительности труда, доходов на душу населения, общей трудовой и деловой культуры. Однако этот разрыв все же постепенно сокращается, поскольку производительность

труда в развивающихся странах растет существенно быстрее, чем в развитых. Мы полагаем, что такая тенденция будет продолжаться еще достаточно долгое время. Дело в том, что в первых огромный рост производительности идет за счет притока сельского населения в промышленность и строительство, постепенной механизации сельского хозяйства. В западных странах основные рабочие места создаются в сфере услуг, где рост производительности труда не слишком велик. При этом часть сферы квалифицированных услуг (программирование, менеджмент, бухгалтерия и т. п.) уходит в развивающиеся страны через информационные каналы (особого рода аутсорсинг, когда услуги оказываются людьми на удалении). В результате в западных странах у очень значительной части населения уровень доходов относительно низкий (ведь работа не слишком квалифицированная), он не увеличивается или растет медленно, что приводит к постепенному размыванию среднего класса. Последний ранее был основой стабильности общества в развитых странах. Теперь же разрыв в доходах в обществе увеличивается (что достаточно опасно), а в развивающихся странах постепенно уменьшается, так как средний класс растет.

Резко повысить производительность в сфере услуг (например, за счет ее роботизации) если и возможно, то в отдаленном будущем. В целом даже такие прорывы не смогли бы переломить ситуацию с сокращением разрыва между развивающимися и развитыми странами. Уже сам по себе огромный растущий рынок развивающихся стран при неизбежных колебаниях, откатах и кризисах обеспечивает тренд к экономическому росту, росту производительности и благосостояния населения, хотя на это потребуется несколько десятилетий.

Таким образом, экономическая структура Мир-Системы начнет перестраиваться, роль нынешнего ядра – уменьшаться.

Преимущества развивающихся стран. Третий мир начал движение к развитию, и его уже не остановить. С учетом его громадного населения это движение не может не быть грандиозным. Незападный мир составляет 6/7 всего населения нашей планеты и, что особенно важно, еще большую часть молодого населения (там живет примерно 7/8 молодежи мира). Развивающиеся экономики все заметнее настраиваются на рост, а население – на повышение

своего образовательного, культурного, экономического уровня. При этом множество стран, в которых проживает примерно четверть населения планеты, пока мало затронуты стремлением к росту и улучшениям. Однако большинство из них рано или поздно осознают его необходимость. В странах, которые уже начали свой подъем, до половины жителей придерживаются архаичного образа жизни. Иными словами, основная часть населения развивающихся стран фактически еще не включилась в подъем, в активное стремление к росту, заработку, повышению квалификации – резервы роста здесь огромные.

Такое включение будет более массовым уже на уровне поколения, которое сейчас молодо, при этом разрыв в численности молодежи между первым и третьим миром будет увеличиваться. Волна за волной будут подниматься развивающиеся страны. Многие из них уже сегодня превосходят по населению Германию и приближаются к Японии, а другие, такие как Бангладеш (166,3 млн), Индонезия (253,6 млн), Нигерия (177,3 млн), превосходят Японию, составляя от половины или трех четвертей населения США (318 млн). Не говоря уже об Индии с ее 1,3 млрд человек – больше, чем во всех развитых странах, вместе взятых. Помимо того, это население будет заметными темпами расти далее.

Также следует иметь в виду, что рождаемость в этих странах сокращается: где-то быстрее, а где-то медленнее. Следовательно, с одной стороны, какое-то время за счет подрастающих детей численность молодежи и трудовых ресурсов будет увеличиваться, но далее количество детей сократится, то есть иждивенцев станет меньше, а работающих больше (тем более что женщины, имеющие меньше детей, смогут также работать). Это создает так называемый демографический дивиденд. Развитые страны (и Китай) его уже истратили, зато во многих развивающихся странах будет наиболее благоприятное соотношение работающих и иждивенцев. В то же время пожилых людей окажется не очень много¹⁵. Это будет способствовать росту душевого дохода. Таким образом, демографический аспект делает во многом неизбежным подтягивание разви-

¹⁵ Проблемы безработицы мы не касаемся, но ясно, что данная проблема при всей ее остроте будет в то же время способствовать активному развитию производства и притоку производительного капитала, то есть экономическому росту.

вающихся экономик к развитым, а в валовом отношении – к тому, что доля развивающихся стран станет существенно большей, чем развитых. На этом фоне проблемы обеспечения пожилых и престарелых людей на Западе будут только возрастать (см.: Гринин, Коротаев 2015б).

В долгосрочном плане в условиях глобализации и все более тесного взаимодействия экономик, роста значимости ТНК и финансовых потоков в целом именно объемы производства и совокупная экономическая и демографическая мощь стран будут все заметнее определять баланс сил в мире и их влияние на формирующийся мировой порядок. Взгляды западного бизнеса (прежде всего ТНК) в условиях численно стагнирующего и стареющего населения собственных стран будут неизбежно обращены на растущие рынки и увеличивающееся количество потребителей в развивающихся странах. Будет продолжаться перенос разных форм экономической деятельности в эти страны. Вместе с активизацией экономических и финансовых стратегий развивающихся государств это сделает неизбежным изменение баланса сил и правил мирового порядка. Не следует забывать и о том, что среди населения развитых государств растет доля выходцев или потомков выходцев из развивающихся стран. К этому времени их будет очень много, а их влияние на общую культурную ситуацию в Европе и США, на политику и связь со странами исхода возрастет¹⁶. И это может стать дополнительным крупным козырем развивающихся стран (наряду с культурными, технологическими и валютными вливаниями из развитых государств).

Переходный период и противоречивые тенденции. Такой период всегда содержит в себе множество противоречивых тенденций. Так, например, в условиях глобализации тенденция к сокращению суверенных прерогатив, многие из которых отчуждаются добровольно (например, при вступлении в различные наднациональные объединения, мировые соглашения и т. п.), объективна (Гринин 2005; 2008). Однако в настоящий момент наблюдается некоторый пересмотр отношения к суверенным полномочиям, по-

¹⁶ В целом мы полагаем, что это будет одновременно снижать общий уровень в развитых странах, но способствовать их конвергенции с развивающимися (см. также: Бьюкенен 2015).

сколькx целый ряд стран начал активно отстаивать свой суверенитет в связи с угрозой внутренней нестабильности, идущей от США. Эта борьба за сохранение вроде бы старых институтов на самом деле означает борьбу уже за новый мировой порядок. Рассмотрим противоречия переходного периода на примере ТНК.

Они играют определенную роль в непреднамеренном ослаблении Запада и усилении развивающихся стран (происходящем помимо воли ТНК, просто потому, что они ищут наибольшую эффективность). По сути, в настоящее время ТНК нельзя уже рассматривать как принадлежащие только Западу. Во многом они являются частью экономики незападных стран. Происходит определенный «отрыв» этих гигантских корпораций от метрополии, в которой им тесно, и вопреки своей воле они все больше «льют воду на мельницу» развивающихся стран. Точно так же английские технологии и капиталы «оплодотворили» в XIX в. подъем США, Индии, Канады, Австралии, а сама Англия перестала быть мировым лидером.

США и европейские страны по-прежнему могут юридически воздействовать на ТНК в определенных отношениях (особенно в плане подключения к санкциям, соблюдения определенных правил, запретов на импорт технологий; подтасовывания статистики, использования рейтингов в политических целях, сотрудничества с разведкой). Однако в подавляющем большинстве случаев они действуют свободно под влиянием тех импульсов, которые идут из разных секторов, рынков и движений. В связи с этим представляется, что с некоторого времени (в частности, с начала деиндустриализации и так называемой финансовой революции, то есть с 1980-х гг.) интересы ТНК и стран-метрополий постепенно расходятся. Как известно, корпорации имеют собственные цели (Гэлбрейт 1976), часто отличные от общенациональных. Полагаем, что чем активнее будут расти незападные экономики и создаваться глобальные экономические объединения развитых стран с развивающимися, тем заметнее будет расхождение между интересами ТНК и экономик их стран-метрополий. Другими словами, представляется, что ТНК будут все активнее уходить на рынки развивающихся стран, если экономические возможности последних будут сулить им больше прибыли. Тем более если топ-менеджмент

таких корпораций будут во все большей степени составлять неамериканцы и неевропейцы.

Эпоха новых коалиций и контуры нового мирового порядка. Переход к новому порядку – это всегда поиск новых комбинаций. Неудивительно, что процесс подтягивания политической составляющей также вызвал усиление стремления к поиску новых союзов и партнерств, часто непривычных, нелогичных и неустойчивых (что не отменяет, разумеется, стремления сохранить старые объединения). Это движение, как мы видели, захватило даже США, хотя ранее они считали себя самодостаточными. Этот процесс активного создания различных союзов, комбинаций стран и их объединений мы назвали эпохой новых коалиций (см.: Гринин 2009б; 2012г); он и станет основанием для формирования нового мирового порядка. Процессы формирования новых комбинаций и поиска новых оснований пойдут более активно после того, как острая фаза борьбы за сохранение гегемонии США в прежнем виде покажет неизбежность и разумность смены курса для этой страны (что уже прослеживается в заявлениях некоторых кандидатов в президенты).

Возможно, наиболее ярким примером процесса создания новых коалиций является объединение БРИКС, которое появилось первоначально как фантазия экономиста, а затем обрело черты реального союза. При этом участие в данном неофициальном союзе открывает возможность присоединения к другим объединениям, таким как ШОС или ЕврАзЭС. Это показывает, что страны будут участвовать в значительно большем количестве различных блоков, союзов и партнерств, чем сегодня, причем при активизации привлечения в союзы новых членов комбинации могут быть самыми разнообразными. В результате на какое-то время подвижность партнерств в рамках Мир-Системы усилится, возникающие союзы и коалиции порой могут представляться химерическими или эфемерными, что способно дополнительно усилить общую турбулентность.

По мере осознания того, что начинает формироваться новый мировой порядок, усилится конкурентная борьба за то, кто станет направлять процесс его формирования в мире и отдельных регионах. Тем силам, которые будут претендовать на лидерство, придется действовать под лозунгами более справедливого мирового и регионального устройства, для чего, естественно, необходимы союз-

ники и блокировки. Поэтому неизбежно начнется перегруппировка сил на мировой и региональных аренах. В этом случае характер отстаивания национальных интересов, формы конфликтов постепенно начнут приобретать иной вид. Мы надеемся, что после определенного периода «игры без правил» мировая арена все же начнет рассматриваться как общее поле интересов, на котором нужно устанавливать и поддерживать приемлемые и выгодные для всех правила игры. Это значит, что в самой концепции внешней политики постепенно, но очень неравномерно в ее практическом осуществлении откровенное преследование эгоистических интересов государств станет занимать меньше места, чем сегодня¹⁷. Сказанное звучит утопично. Тем более что за последние несколько лет эгоистические подходы и двойные стандарты в политике как будто даже усилились. Однако, возможно, это свидетельствует о том, что мир находится на пути поиска принципов нового устройства. Вероятно, для этого потребуются пережить какие-то катаклизмы (вроде нового экономического кризиса), поскольку именно в кризисные моменты ситуация меняется более активно.

В процессе поиска наиболее устойчивых, выгодных и адекватных организационных решений постепенно некоторые из новых наднациональных союзов и объединений могут превратиться из временных в постоянные, тем самым начнется выработка эффективных институциональных форм нового миропорядка. В этом же процессе начнут выработываться некоторые новые нормы мирового права и новые общие принципы мирового порядка. Страны, продолжающие в грубой форме отстаивать национальный эгоистический интерес, в конечном счете проигрывают.

Изменения, необходимые для формирования нового порядка

Итак, турбулентная эпоха должна в идеале привести к формированию нового баланса сил, к выработке основных принципов нового мирового порядка. Рассмотрим некоторые из этих принципов, на основе которых, возможно, он будет выстроен.

¹⁷ Характерный пример – позиция США по парниковым газам, когда они очень долго отказывались брать на себя какие-либо ограничения, а недавно объявили о готовности их принять, что, естественно, вызывает недовольство представителей бизнеса (и сопротивление законодателей). Важна позиция, выраженная президентом Б. Обамой, – США должны быть лидерами в «зеленых» технологиях и оставить потомкам Землю чистой.

1. Система глобального влияния

Глобализация как объект регулирования и учета интересов. Мы думаем, что именно глобализация, как бы к ней ни относились, станет экономической основой для продвижения в формировании нового мирового порядка. Однако для более устойчивого порядка необходимы некий консенсус и опора на принципы компромисса, такие как: «в одной лодке», «друзья – соперники», «не использовать недопустимых средств» и т. п. Иными словами, в условиях неизбежного соперничества и попыток «перетянуть одеяло на себя» необходимость поддержки какого-то приемлемого устойчивого положения должна рассматриваться в качестве императива.

Поэтому мы полагаем, что хотя бы некоторые процессы глобализации должны быть оформлены в виде писанных или неписанных правил. Потребуется определенное упорядочение международной финансовой и экономической деятельности (в этом будет заинтересовано большинство стран, осознавших тяжелые последствия экономических кризисов). Здесь, разумеется, откроется большой простор для попыток усилить позиции определенных стран и блоков. Поскольку в процессе глобализации роль ТНК очень велика, каким-то формальным образом должны быть определены и позиции этих корпораций. В целом нам представляется, что, с одной стороны, должна усилиться ответственность корпораций за их публичные действия. Так, сегодня заявление крупнейшего рейтингового агентства может обрушить валюту, а то и экономику даже большой страны. Эти возможности должны быть ограничены соответствующей ответственностью (и уже ограничиваются, например правилами ЕС). С другой стороны, ТНК могут получить некоторые дополнительные привилегии и права. Какие, пока неясно, но понятно, что вокруг этого будет вестись довольно длительная и напряженная борьба. Еще одним серьезнейшим пунктом станет вопрос о мировой валюте, от решения которого зависит очень многое. Но, по видимому, здесь движение будет двусторонним. С одной стороны, сохранятся и усилятся попытки развивающихся стран продвигать свои валюты и пытаться усилить их роль на международном финансовом рынке и пр., а с другой – грядущие мощные финансовые потрясения неизбежно приведут к хотя бы частичному пересмотру роли доллара в мире.

Усиление роли наднациональных союзов. О мировых регулирующих органах. Представляются вероятными следующие тренды: а) рост значения наднациональных организаций, представляющих интересы своих членов на мировой арене; б) некоторое упорядочение процесса трансформации национального суверенитета (в чем-то он сократится, в чем-то – усилится), так что национальное государство останется ведущим субъектом международного процесса, но уже будет вынуждено сосуществовать с другими субъектами – наднациональными и транснациональными; в) возникновение смешанного характера «концерта» мировых игроков в виде государств, их различных союзов, а возможно, и каких-то отдельных корпораций или организаций (подобно тому как в средневековых парламентах и органах были представлены сразу и территории, и корпорации, и города, и знатные люди и т. п.).

Если такого рода наднациональные союзы получают определенные возможности влиять на ситуацию в мире, а тем более формальное право голоса на международных форумах, то это, с одной стороны, усилит стремление в них вступать, с другой – более тесно сплотит их членов изнутри.

Разумеется, встает вопрос о каких-либо новых мировых институтах, которые позволяли бы претворять новые принципы в жизнь. Хотя старые мировые органы вряд ли смогут играть соответствующую роль, в то же время они едва ли будут демонтированы. Скорее новые институты будут создаваться параллельно старым.

Новый мировой «концерт»? Итак, с одной стороны, система участников международной арены начнет постепенно трансформироваться, причем в сторону наднациональных акторов, с другой – разумеется, в ближайшие десятилетия трудно рассчитывать, что удастся создать систему, в которой могли бы эффективно участвовать все. Именно поэтому сокращение национального представительства за счет наднациональных объединений могло бы стать эффективным путем. Но в любом случае основную роль стали бы играть наиболее крупные наднациональные объединения и государства (последние могли бы быть представлены и самостоятельно, и от имени объединений).

Если новый порядок не будет ни однополюсным, ни двупольным, то соответственно, скорее всего, он будет представлять собой

некий коллектив крупнейших игроков (стран и союзов). Что-то вроде G-х, то есть объединения трех, пяти, семи или более крупнейших держав и блоков, которые смогут каким-то образом обеспечивать и гарантировать новый порядок. Это могут быть, например, США вкупе с Тихоокеанским партнерством или каким-нибудь блоком, ЕС, Китаем, Индией, Россией. Либо последние три страны будут представлены также объединением БРИКС. Итоговый расклад сил может быть самым разным. То есть возникнет некий новый мировой «концерт» государств и надгосударственных союзов. Разумеется, всякого рода конфликты и коллизии всегда будут иметь место, но все же наиболее крупным игрокам договориться будет проще. А чтобы порядок держался, тренд должен идти в сторону институционализации этого «концерта» (возможно, с учетом опыта ООН, но более эффективно оформленного, что-то вроде права вето с несколькими уровнями участия и разными правами).

2. О принципах нового мирового порядка

Новый мировой порядок потребует достаточно устойчивого баланса сил и интересов, новых моделей наднационального управления и координации мировых процессов, новых принципов, способствующих уменьшению противостояния и стимулирующих сотрудничество. Сформулируем их краткий перечень.

1) Плюрализм политических режимов, то есть признание: а) правомерности и легитимности всех режимов; б) идеи, что любой режим (включая и демократический) имеет свои плюсы и минусы; в) ценности плюрализма режимов (подобно плюрализму религий).

2) Отказ от насильственного навязывания институтов (в том числе и насаждения демократии).

Комментарий. Для выработки нового мирового порядка и моделей развития плюрализм режимов имеет важное эволюционное значение, обеспечивая необходимое разнообразие. Не доказано, что именно демократические принципы являются наилучшими. Напротив, демократия в условиях глобализации может оказаться ущербной и нестабильной. Только соревнование разных режимов позволит найти лучшие модели для будущего. Отказ от признания демократии универсальным строем для всех и от навязывания ее любой

ценой может стать важной частью создания общего поля интересов и правил. Необходимо признать, что демократия подходит далеко не для всех случаев (тем более в многонациональных и многоконфессиональных регионах, где не сложились устойчивые нации и государства и сильно влияние религии). Борьба с бедностью, болезнями, высокой смертностью, неграмотностью, вопиющей несправедливостью наряду с экономическим развитием неизбежно приведет к значительному прогрессу в области семейных и иных отношений в микросообществах даже в регионах с сильным влиянием ислама. Для этого демократии не требуется, тем более что уже есть общепринятые декларации, которые ведут к улучшению общественного статуса женщин и детей.

3) Признание ценности стабильности, порядка, легитимности и отказ от инспирирования внутренних революций. Это означает, что: а) социальный порядок, гарантия безопасности и экономический рост даже в условиях авторитаризма признаются более важными, чем формальные демократические права; б) поддержка антиправительственных выступлений, грозящих анархией и свержением правительства (и тем более подстрекательство к свержению режима), может осуществляться только в исключительных случаях, легитимируемых общепризнанными международными институтами.

4) Строгое ограничение и регламентация использования санкций. Введение санкций должно быть жестко ограничено и помещено в строгое процедурное русло (причины, случаи, доказательства, переговоры, прецеденты и пр.).

5) Запрет на использование глобальных экономических, финансовых, рейтинговых, информационных и иных инструментов в качестве орудий национальной внешней политики.

6) Гарантии государственных границ, ограничение всякого рода сепаратистских движений, под какими бы лозунгами они ни проводились. Это существенно уменьшило бы международные трения.

7) Отказ от навязывания новых этических и правовых стандартов (особенно в сфере половых и семейных отношений) и дискриминации под этим предлогом.

Очевидно, что само по себе признание принципов не гарантирует их выполнения, но важно уйти от сегодняшней практики, когда

идеалы демократии, борьбы с коррупцией или прав человека используются как таран в геополитической борьбе. Важно, чтобы уменьшение жесткого противостояния в обществах и в мире, равно как и увеличение возможностей для сотрудничества, стало приоритетом.

3. Некоторые предположения о принципах и механизмах формирования и существования нового порядка

Поиск новых форм и принципов организации – это сложный эволюционный процесс, в рамках которого постепенно выкристаллизовываются наиболее перспективные формы для нового типа отношений и союзов. Поскольку многие из этих союзов окажутся очень неустойчивыми, неизбежен некий естественный отбор принципов и форм, а равно идеологии и иных символических ресурсов этих объединений. Выскажем некоторые идеи о возможных формах и принципах объединения в наднациональных союзах (с учетом того, что никакой унификации здесь быть не может).

Кризис демократии и неизбежный поиск новых форм управления. Демократия, имея определенные преимущества в национальном масштабе (но далеко не везде и не всегда), может их утратить в рамках наднациональных образований. Например, европейское объединение, прежде казавшееся образцом, в настоящее время таковым уже не выглядит, так как выявились серьезные проблемы. В частности, сверхдемократические процедуры и требование консенсуса создают противоречивость управления де-юре и де-факто (в последнем случае более сильные государства «выкручивают руки» более слабым¹⁸, но в то же время посредством влияния на этих более слабых внешние силы могут воздействовать на ситуацию в рамках всего союза). Поэтому принцип демократии скорее всего будет лишь частью (и не всегда ведущей) механизма создания такого рода органов. Тем не менее опыт ЕС крайне ценен (важно, в частности, понять, насколько работают принципы убывающей про-

¹⁸ При этом ряд новых членов ЕС становится источником миграции для крупных игроков и рынком для сбыта их товаров, в результате чего национальные экономики деградируют. Это весьма вероятно в любом объединении, и потребует большая работа, чтобы найти формы, которые оптимизировали бы интересы крупных и мелких игроков в одной команде.

порциональности или совмещения интересов его малых и крупных членов).

Повышение роли экспертов. Эксперты и демократия. Отказ от демократии как ведущей формы наднационального управления требует каких-то новых форм. Одно из наших предположений – рост роли экспертов и международных экспертных органов. Уже сейчас де-факто их возросшая роль порой очень велика, например в деятельности рейтинговых агентств. Поэтому не исключена трансформация движения в сторону чего-то вроде экспертократии (подобно тому как повысилась роль управляющих корпораций в 1920–1930-е гг. [Burnham 1941]). Соответственно, могут возникнуть и формальные органы экспертов, которые начнут играть политическую роль. Например, если выдвижение экспертов на основании их профессиональных заслуг станет прерогативой национальных академий или иных научных и специальных учреждений (собраний) либо результатом публичного избрания из числа предварительно отобранных профессиональными сообществами специалистов. Смысл таких собраний экспертов – в проведении экспертизы (непосредственной или с помощью соответствующих экспертных организаций) и научного анализа различных актов и решений на предмет их соответствия достижениям науки. Сегодня многие решения принимаются на эмоциональной основе, без расчетов и понимания последствий (те же климатические или энергетические законы; законы, связанные с регулированием медицинского и иного воздействия на организм, воспитанием детей, воздействием на общество разного рода информационных технологий и т. п.). Важно учитывать постоянные изменения в развитии науки и технологий, иметь возможность оперативного регулирования этих процессов. При неизбежной ограниченности (и возможной ангажированности) решения экспертов все же будут более взвешенными, отвечающими уровню современного общества. Таким образом, эксперты станут чем-то вроде еще одной ветви власти, их роль возрастет, а положение экспертных организаций отдаленно будет напоминать позиции цехов и гильдий позднего Средневековья.

Эксперты, в отличие от политиков, имеют другую природу авторитета, поэтому могут действовать без оглядки на избирателей и общество. Кроме того, эксперты транснациональны. Эксперты

разных наций (если они объединены единым профессиональным этосом) нередко ближе друг к другу, чем к представителям своей нации, не имеющим образования.

* * *

Таким образом, есть много оснований полагать, что баланс сил в мире в целом в течение ближайших трех-четырёх десятилетий существенно изменится в пользу стран, считающихся сегодня развивающимися, или их союзов. Рано или поздно начнется движение в сторону общемирового управления (принятия согласованных общих решений). И десятикратное превосходство в населении развивающихся стран над развитыми (каковое появится примерно к 2050 г.) будет сложно игнорировать.

В целом впереди нас ждут сложные и беспокойные годы, годы радикальной трансформации баланса сил между разными странами и союзами. В то же время это будет период серьезных перемен, закладывающих базу для структуры будущего мирового порядка. Тем не менее на долгий период самой главной останется проблема столкновений и совмещений национальных и наднациональных, групповых и общемировых интересов.

Библиография

- Акаев А. А., Коротаев А. В., Малинецкий Г. Г., Малков С. Ю. (ред.)** 2010. *Проекты и риски будущего. Концепции, модели, инструменты, прогнозы.* М.: ЛИБРОКОМ.
- Барбер Л. 2014.** Генри Киссинджер: «США должны сохранить лидерство, чтобы сохранить мировой порядок» («The Financial Times», Великобритания). *ИноСМИ* 9 сентября. URL: <http://inosmi.ru/world/20140909/222867679.html>.
- Бжезинский З. 1999.** *Великая шахматная доска.* М.: Международные отношения.
- Бирлинг Ш. 2015.** Что нужно делать. *ИноСМИ* 19 ноября. URL: <http://inosmi.ru/politic/20151119/234481311.html>.
- Бреммер И. 2015.** Чего мы ждем от США? *ИноСМИ* 16 июня. URL: <http://inosmi.ru/world/20150616/228614822.html>.
- Бьюкенен П. 2015.** Грядущее банкротство Америки. *ИноСМИ* 5 ноября. URL: <http://inosmi.ru/world/20151105/231200867.html>.

- Валлерстайн И. 2001.** *Анализ мировых систем и ситуация в современном мире.* СПб.
- Грантовский Э. А. 1987.** Возникновение и развитие феодальных отношений в Иране. Держава Сасанидов и ее социальная структура. *История стран Азии и Африки в Средние века:* в 2 ч. / Ред. Ф. М. Ацамба, З. Г. Лапина, М. С. Мейер. М.: Изд-во МГУ. С. 94–105.
- Грей Дж. 2008.** Величие Америки рухнуло и раскололось на куски. *ИноСМИ* 1 октября. URL: <http://inosmi.ru/world/20081001/244365.html>.
- Гринин А. Л., Гринин Л. Е. 2015.** Кибернетическая революция и исторический процесс (технологии будущего в свете теории производственных революций). *Философия и общество* 1: 17–47.
- Гринин Л. Е. 2005.** Глобализация и национальный суверенитет. *История и современность* 1: 6–31.
- Гринин Л. Е. 2008.** Национальный суверенитет в век глобализации. *Суверенитет. Трансформация понятий и практик* / Ред. М. В. Ильин, И. В. Кудряшова. М.: МГИМО-Университет. С. 104–128.
- Гринин Л. Е. 2009а.** Государство в прошлом и будущем. *Вестник РАН* 9: 823–830.
- Гринин Л. Е. 2009б.** *Государство и исторический процесс. Политический срез исторического процесса.* 2-е изд. М.: ЛИБРОКОМ.
- Гринин Л. Е. 2009в.** Приведет ли глобальный кризис к глобальным изменениям? *Век глобализации* 2: 117–140.
- Гринин Л. Е. 2010.** Из мальтузианской ловушки в ловушку модернизации. К прогнозированию динамики политической нестабильности в странах мир-системной периферии. *Проекты и риски будущего. Концепции, модели, инструменты, прогнозы* / Отв. ред. А. А. Акаев, А. В. Коротаев, Г. Г. Малинецкий, С. Ю. Малков. М.: ЛИБРОКОМ. С. 337–356.
- Гринин Л. Е. 2011а.** Сценарии китайского будущего: не возобладают ли факторы торможения? *Общество и экономика* 8–9: 256–276.
- Гринин Л. Е. 2011б.** *Государство и исторический процесс. Эпоха формирования государства. Общий контекст социальной эволюции при образовании государства.* 2-е изд. М.: ЛКИ.
- Гринин Л. Е. 2012а.** Арабская весна и реконфигурация Мир-Системы. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков* / Ред. А. В. Коротаев, Ю. В. Зинькина, А. С. Ходунов. М.: ЛИБРОКОМ/URSS. С. 188–223.
- Гринин Л. Е. 2012б.** Китайская модель и перспективы лидерства Китая в мире. *Век глобализации* 2: 43–61.

- Гринин Л. Е. 2012в.** Реконфигурация мира, или наступающая эпоха новых коалиций (возможные сценарии ближайшего будущего). *История и современность* 2: 3–27.
- Гринин Л. Е. 2013.** Глобализация тасует мировую колоду (Куда сдвигается глобальный экономико-политический баланс). *Век глобализации* 2: 63–78.
- Гринин Л. Е. 2014а.** Глобальный экономико-политический баланс в XXI веке: смена вектора. *Философия и общество* 1: 31–54.
- Гринин Л. Е. 2014б.** Приведет ли глобальный кризис к глобальным изменениям? *Куда движется век глобализации?* / Ред. А. Н. Чумаков, Л. Е. Гринин. Волгоград: Учитель. С. 95–119.
- Гринин Л. Е. 2015.** Новый мировой порядок и эпоха глобализации. Ст. 1. Американская гегемония: апогей и ослабление. Что дальше? *Век глобализации* 2: 2–17.
- Гринин Л. Е. 2016.** *Государство и исторический процесс. Эволюция государственности: От раннего государства к зрелому.* 3-е изд., стер. М.: URSS.
- Гринин Л. Е., Исаев Л. М., Коротаев А. В. 2015.** *Революции и нестабильность на Ближнем Востоке.* М.: Моск. ред. изд-ва «Учитель».
- Гринин Л. Е., Исаев Л. М., Коротаев А. В. 2016.** *Революции и нестабильность на Ближнем Востоке.* 2-е изд., испр. и доп. М.: Моск. ред. изд-ва «Учитель».
- Гринин Л. Е., Коротаев А. В. 2012.** *Циклы, кризисы, ловушки современной Мир-Системы. Исследование кондратьевских, жюгляровских и вековых циклов, глобальных кризисов, мальтузианских и постмальтузианских ловушек.* М.: ЛКИ.
- Гринин Л. Е., Коротаев А. В. 2014а.** Инфляционные и дефляционные тренды мировой экономики, или распространение «японской болезни». *История и Математика: аспекты демографических и социально-экономических процессов* / Отв. ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев. Волгоград: Учитель. С. 229–253.
- Гринин Л. Е., Коротаев А. В. 2014б.** Революция vs демократия. *Полис* 3: 139–158.
- Гринин Л. Е., Коротаев А. В. 2015а.** Дефляция как болезнь современных развитых стран. *Анализ и моделирование мировой и страновой динамики: методология и базовые модели* / Отв. ред. В. А. Садовничий, А. А. Акаев, С. Ю. Малков, Л. Е. Гринин. М.: Моск. ред. изд-ва «Учитель». С. 241–270.

- Гринин Л. Е., Коротаев А. В. 2015б.** Глобальное старение населения, шестой технологический уклад и мировая финансовая система. *Кондратьевские волны: наследие и современность* / Отв. ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, В. М. Бондаренко. Волгоград: Учитель. С. 107–132.
- Гринин Л. Е., Коротаев А. В., Малков С. Ю. 2010.** История, Математика и некоторые итоги дискуссии о причинах Русской революции. *История и Математика. О причинах Русской революции* / Ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, С. Ю. Малков. М.: ЛКИ/URSS. С. 368–427.
- Гринин Л. Е., Коротаев А. В., Цирель С. В. 2011.** *Циклы развития современной Мир-Системы*. М.: ЛИБРОКОМ.
- Гринуэй Х. Д. С. 2008.** Иллюзорность американского могущества. *ИноСМИ* 22 октября. URL: <http://inosmi.ru/world/20081022/244810.html>.
- Гэлбрейт Дж. К. 1976.** *Экономическая теория и цели общества*. М.: Прогресс.
- Дэвис Н. 2005.** *История Европы*. М.: Транзиткнига.
- Закария Ф. 2008.** Будущее американского великодержавия. Ч. 1. *ИноСМИ* 1 мая. URL: <http://inosmi.ru/world/20080501/241108.html>; Ч. 2. *ИноСМИ* 5 мая. URL: <http://inosmi.ru/world/20080505/241159.html>.
- Закария Ф. 2009.** *Постамериканский мир будущего*. М.: Европа.
- Капхен Ч. 2004.** *Закат Америки. Уже скоро*. М.: АСТ, Люкс.
- Кеннеди П. 2009.** Конец американской эпохи? (“The Times”, Великобритания). *Новости Украины. События в мире*. URL: <http://noviny.su/smi-00000249.html>.
- Киссинджер Г. 1997.** *Дипломатия*. М.: Ладомир.
- Киссинджер Г. 2002.** *Нужна ли Америке внешняя политика?* М.: Ладомир.
- Клэр М. 2015.** Галлюцинации в Вашингтоне. Отчаянное положение угасающей сверхдержавы. *ПолиСМИ* 8 июня. URL: <http://polismi.ru/politika/obratnaya-storona-zemli/1149-gallyutsinatsii-v-vashingtone.html>.
- Коротаев А. В., Исаев Л. М. 2014.** Формирование «афразийской» зоны нестабильности. *Арабский кризис и его международные последствия* / Ред. А. М. Васильев, А. Д. Саватеев, Л. М. Исаев. М.: Ленанд/URSS. С. 206–227.
- Коротаев А. В., Исаев Л. М., Руденко М. А. 2015.** Формирование афразийской зоны нестабильности. *Восток 2*: 88–99.
- Коротаев А. В., Исаев Л. М., Шишкина А. Р., Гринин Л. Е. (Ред.) 2014.** *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков*. Т. 5. Волгоград: Учитель.

- Коротчаев А. В., Зинькина Ю. В., Ходунов А. С. (Ред.) 2012.** *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: Арабская весна 2011 года.* М.: ЛКИ.
- Косминский Е. А. 1940.** Дипломатия периода укрепления феодальной монархии. *История дипломатии* / Ред. В. П. Потемкин и др. М.: ОГИЗ, Соцэкгиз. Т. 1. С. 134–166.
- Кругман П. 2013.** Когда экономическая осмотрительность становится безрассудством. *Независимая газета* 27 мая. URL: http://www.ng.ru/krugman/2013-05-27/5_wariness.html.
- Кудрин А. 2009.** Мировой финансовый кризис и его влияние на Россию. *Вопросы экономики* 1: 9–10.
- Ларисон Д. 2015.** Четверть века интервенций (“The American Conservative”, США). *ИноСМИ* 28 мая. URL: <http://inosmi.ru/world/20150528/228266813.html>.
- Мак-Нил У. 2008.** *В погоне за мощью. Технология, вооруженная сила и общество в XI–XX веках.* М.: Территория будущего.
- Милн С. 2008.** Грузия – могила однополярного мира Америки. Вызывающее поведение России на Кавказе покончило с миропорядком Буша-старшего – вполне своевременно (“The Guardian”, Великобритания). *ИноСМИ* 28 августа. URL: <http://inosmi.ru/world/20080828/243620.html>.
- Маца В. 2013.** «Арабская весна» принесла женщинам поражение. *ИноСМИ* 12 ноября. URL: <http://www.inopressa.ru/article/12Nov2013/corriere/arab.html>.
- Мир** после кризиса. Глобальные тенденции – 2025: меняющийся мир. Доклад Национального разведывательного совета США. М.: Европа, 2009.
- Пантин В. И., Лапкин В. В. 2006.** *Философия исторического прогнозирования: ритмы истории и перспективы мирового развития в первой половине XXI века.* Дубна: Феникс+.
- Пантин В. И., Лапкин В. В. 2014.** *Историческое прогнозирование в XXI веке: Циклы Кондратьева, эволюционные циклы и перспективы мирового развития.* Дубна: Феникс+.
- Петрушевский И. П. 1977.** Иран в средние века. *История Ирана* / Ред. М. С. Иванов. М.: Изд-во МГУ. С. 121–194.
- Сказкин С. Д. 1940.** Общая характеристика дипломатии и дипломатических органов в XVI–XVIII веках. *История дипломатии* / Ред. В. П. Потемкин и др. М.: ОГИЗ; Соцэкгиз. Т. 1. С. 171–185.
- Смелзер Н. 1994.** *Социология.* М.: Феникс.

- Сорос Дж. 2009.** *Первая волна мирового финансового кризиса. Промежуточные итоги. Новая парадигма финансовых рынков.* М.: Манн, Иванов и Фербер.
- Тодд Э. 2004.** *После империи. Pax Americana – начало конца.* М.: Международные отношения.
- Тройо М. 2015.** США – вновь развивающаяся держава. *ИноСМИ* 29 октября. URL: <http://inosmi.ru/world/20151029/231078067.html>.
- Уитни М. 2015.** Еще один идиотский план навредить России. Америка формирует стартовую площадку. *ПолитСМИ* 23 апреля. URL: <http://polismi.ru/poli-tika/bolshoj-blizhnij-vostok/1110-eshchjo-odin-idiotskij-plan-navredit-rossii.html>.
- Франк А. Г. 2002.** Азия проходит полный круг – с Китаем как «Срединным государством». *Цивилизации.* Вып. 5. *Проблемы глобалистики и глобальной истории* / Ред. А. О. Чубарьян. М.: Наука. С. 192–203.
- Хантингтон С. 1994.** Столкновение цивилизаций. *Полит. Политические исследования* 1: 33–48.
- Хантингтон С. 2003.** *Столкновение цивилизаций.* М.: АСТ.
- Хейвел К. ван ден. 2015.** Пора подумать о цене западного вмешательства в кризис на Украине (“The Washington Post”, США). *ИноСМИ* 27 ноября. URL: <http://inosmi.ru/world/20141127/224524451.html>.
- Хэрланд Х. Н. 2014.** США злоупотребляют силой на Ближнем Востоке. (“Aftenposten”, Норвегия). *ИноСМИ* 3 октября. URL: <http://inosmi.ru/world/20141003/223404889.html>.
- Arrighi G. 1994.** *The Long Twentieth Century. Money, Power and the Origins of Our Times.* London: Verso.
- Arrighi G. 2007.** *Adam Smith in Beijing: Lineages of the Twenty-First Century.* London: Verso.
- Attali J. 1991.** *Millennium: Winners and Losers in the Coming World Order.* New York, NY: Times Books.
- Buchanan P. J. 2002.** *The Death of the West: How Dying Populations and Immigrant Invasions Imperil Our Country and Civilization.* New York, NY: St. Martin's Press.
- Burnham J. 1941.** *The Managerial Revolution. What is Happening in the World.* New York, NY: John Day Co.
- Collins R. 2002.** Geopolitics in an Era of Internationalism. *Social Evolution & History* 1(1): 118–139.
- Downing B. 1992.** *The Military Revolution and Political Change.* Princeton, NJ: Princeton University Press.

- Frank A. G., Gills B. K. (Eds.) 1993.** *The World System: Five Hundred Years or Five Thousand?* London: Routledge.
- Grinin L. E. 2008.** Early State, Developed State, Mature State: The Statehood Evolutionary Sequence. *Social Evolution & History* 7(1): 67–81.
- Grinin L. E. 2009.** The State in the Past and in the Future. *Herald of the Russian Academy of Sciences* 79(5): 480–486.
- Grinin L. E. 2010.** Which Global Transformations Would the Global Crisis Lead To? *Age of Globalization 2*: 31–52.
- Grinin L. E. 2011.** Chinese Joker in the World Pack. *Journal of Globalization Studies* 2(2): 7–24.
- Grinin L. E. 2012a.** *Macrohistory and Globalization*. Volgograd: Uchitel.
- Grinin L. E. 2012b.** New Foundations of International System, or Why do States Lose Their Sovereignty in the Age of Globalization? *Journal of Globalization Studies* 3(1): 3–38.
- Grinin L. E. 2013.** State and Socio-Political Crises in the Process of Modernization. *Social Evolution & History* 12(2): 35–76.
- Grinin L. E., Korotayev A. V. 2010a.** Will the Global Crisis Lead to Global Transformations? 1. The Global Financial System: Pros and Cons. *Journal of Globalization Studies* 1(2): 70–89.
- Grinin L. E., Korotayev A. V. 2010b.** Will the Global Crisis Lead to Global Transformations? 2. The Coming Epoch of New Coalitions. *Journal of Globalization Studies* 1(2): 166–183.
- Grinin L. E., Korotayev A. V. 2011.** The Coming Epoch of New Coalitions: Possible Scenarios of the Near Future. *World Futures* 67(8): 531–563.
- Grinin L., Korotayev A. 2012.** Does “Arab Spring” Mean the Beginning of World System Reconfiguration? *World Futures* 68(7): 471–505.
- Grinin L., Korotayev A. 2013.** Will the Global Crisis Lead to Global Transformations? *Globalization: Yesterday, Today, and Tomorrow* / Ed. by J. Sheffield, A. Korotayev, L. Grinin. Litchfield Park: Emergent Publications. Pp. 366–410.
- Grinin L. E., Korotayev A. V. 2014a.** Globalization and the Shifting of Global Economic-Political Balance. *The Dialectics of Modernity – Recognizing Globalization. Studies on the Theoretical Perspectives of Globalization* / Ed. by E. Kiss, A. Kiadó. Budapest: Publisher house Arostotelész. Pp. 184–207.
- Grinin L. E., Korotayev A. V. 2014b.** Globalization Shuffles Cards of the World Pack: In Which Direction is the Global Economic-Political Balance Shifting? *World Futures* 70(8): 515–545.

- Grinin L., Korotayev A. 2015.** *Great Divergence and Great Convergence. A Global Perspective.* New York, NY: Springer.
- Haass R. N. 2008.** The Age of Nonpolarity. What Will Follow U. S. Dominance. *Foreign Affairs* May/June. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2008-05-03/age-nonpolarity>.
- Keeley L. 1996.** *War before Civilization.* New York, NY: Oxford University Press.
- Kennedy P. 1987.** *The Rise and Fall of Great Powers 1500–2000.* New York, NY: Random House.
- Kissinger H. 2014.** *World Order.* New York, NY: Penguin Press.
- Le Monde. 2008.** *Un monde multipolaire.* September 24. URL: http://www.lemonde.fr/idees/article/2008/09/24/un-monde-multipolaire_1098924_3232.html.
- Mandelbaum M. 2005.** *The Case for Goliath: How America Acts as the World's Government in the Twenty-First Century.* New York, NY: Public Affairs.
- NIC – National Intelligence Council. 2008.** *Global Trends 2025: A Transformed World.* Washington, DC: National Intelligence Council. URL: <http://www.aicpa.org/Research/CPAHorizons2025/GlobalForces/DownloadableDocuments/GlobalTrends.pdf>.
- NIC – National Intelligence Council. 2012.** *Global Trends 2030: Alternative Worlds.* URL: www.dni.gov/nic/globaltrends.
- Parker G. 1997.** Europe and the Wider World 1500–1700: The Military Balance. *The Political Economy of Merchant Empires. State Power and World Trade 1350–1759* / Ed. by J. D. Tracy. New York, NY: Cambridge University Press. Pp. 161–195.
- Rayner R. M. 1964.** *European History, 1648–1789.* New York, NY: David McKay Company, Inc.
- Reid T. 2008.** National Intelligence Council Report: Sun Setting on The American Century. *Common Dreams* 21 November. URL: <http://www.commondreams.org/news/2008/11/21/national-intelligence-council-report-sun-setting-american-century>.
- Spruyt H. 2000.** The End of Empire and the Extension of the Westphalian System: The Normative Basis of the Modern State Order. *International Studies Review* 2(2): 65–92.
- Tisdall S. 2008.** America's Fall is a Dangerous Opportunity for its Enemies. *The Guardian* 6 October. URL: <http://www.theguardian.com/commentisfree/2008/oct/06/tisdallbriefing.usa>.